

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 588.986

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XI Buenos Aires, Jueves, 11 de diciembre de 1958

Буэнос Айрес, четверг 11 декабря 1958 года № 464

Д-р А. К.

ДРУЖБА И ЧЕСТЬ

“Я буду благодарен д-ру А. К. за сообщение в печати образцов таких “антироссийских формул”, которые, с известной долей правдоподобия, можно было бы приписать политике САСШ, официальной или, хотя бы, полуофициальной”.

(Из статьи С. Л. Войцеховского “Письма из Нью Йорка” № 6).

“...руководимые чувством дружбы и обязательной чести по отношению к великой нации, храброе и героическое самопожертвование которой содействовало успешному окончанию войны, Соединенные Штаты не могут признать балтийские страны, как отдельные государства, независимые от России”. Слова Государственного Секретаря САСШ Кольби в октябре 1919 г.

В нашей зарубежной печати в последнее время все более часты расхождения в оценке тех или иных событий текущей политической жизни. Некоторые из этих оценок, публично высказанных, совпадают с внешнеполитической линией СССР, якобы защищающего “вечные интересы России”. В этих оценках подчас действительно неясно разграничиваются истинные интересы России от кажущейся защиты их советским государством.

Мы, действительно, защищаем, и будем защищать законные интересы России, и в наших рассуждениях политики свободного мира в отношении СССР, должно прежде всего разграничить с предельной ясностью эти истинные и интересы России от империалистических целей поработившего ее, и как бы примазавшегося к российской истории, марксистского государства. Мы знаем, что сами же кремлевские вожди, во имя сохранения собственной шкуры, не раз прибегали и будут прибегать к этим формальным интересам России, что было особенно очевидно в прошлую Мировую войну. И, для укрепления своих шатких позиций на внутреннем фронте, кремлевские вожди, по мере надобности, интересы марксистского государства стараются отождествить с интересами исторической России.

Но мы знаем, что, как мы, так и поработанный русский народ, сумеем различить истинные интересы России от интересов поработившего его международного марксизма. Прошлая война была лучшим тому доказательством. В первые месяцы войны, народ явно бросил на произвол судьбы Советское Государство — “Советскую родину” — и не захотел бороться во имя чуждых ему интересов чуждого и силой навязанного ему государства. Но, когда народ понял, что дело идет не об освобождении России от ига коммунизма, а об ее поработлении и расчленении гитлеровской Германией, то внутренних своих поработителей он все же предпочел внешним, и, восстав изгнал националь-

ного врага из пределов России. Недавно, еще древний историк Маврикий Стратег писал, что славяне сильны в обороне своей земли: это исконная наша черта, неизменно проявлявшаяся на протяжении всей нашей истории.

С точкой зрения С. Л. Войцеховского, справедливо указывающего на опасность подмены действительных интересов России интересами советского государства, я совершенно согласен. С. Л. Войцеховский возражал на приведенный во второй части моей статьи “Реальность нашей политики” взгляд редактора парижского “Русского Воскресения” В.Т.Романовского, что “всякая позиция свободного мира к СССР должна рассматриваться нами прежде всего в перспективе — что произойдет из этого для Исторической России”.

Эту точку зрения я считаю правильной, при условии, что мы предельно ясно разграничим действительные интересы России от интересов советского государства, сохранившего демографические и территориальные признаки России, вследствие чего и происходит подмена интересов России интересами СССР, а в последнее время особенно часто.

К сожалению, это разграничение не всегда явственно, и в этом смысле я совершенно согласен с С. Л. Войцеховским, что, например, статья А. Дикого в “Русском Воскресении” требует большей ясности. Даже, говоря здраво, эта статья весьма двусмысленна, не разбираясь в том, руководило ли А. Диким “беспокойство за судьбы России”, как то формулирует С. Л. Войцеховский или нечто иное. Эта статья в большей степени служит не защите истинных интересов России, как то хочет представить А. Дикий, а подмене их интересами поработившего Россию советского государства.

Я не согласен с С. Л. Войцеховским в том пункте, где он говорит об опасности “исторической перспективы” в оценке нами тех или иных явлений в международной политике и связи этой политики с историческими интересами России. В моем уяснении это — основной критерий каких бы то ни было наших оценок, а равно это утверждение исторического, легитимного начала лежит в основании нашей зарубежной политической деятельности. Без этого, наша политическая деятельность теряет под собой всякое реальное основание. В моем уяснении, историческое сознание, как бы историческая и духовная память народа, лежит и в основании неприятия Россией поработившего ее международного марксизма. То же историческое основание кладем мы и в нашу зарубежную политику, которую мы полагаем какой-то созвучной частью с внутренним российским фронтом сопротивления.

И поскольку конечная цель нашей политики — Историческая Россия, историческая перспектива является первоначально важной и неотъемлемой от нашей политической жизни реальной меркой. Сотрудничество с иностранцами требует от нас прежде всего применения этой же основной нашей мерки и к нашим с ними отношениям. Именно в этом смысле, какие-либо надежды на иностранцев в уяснении лучших людей Зарубежья, не представляются сколько-нибудь реальными.

В нашей политической работе я и не усматриваю иной реальной основы, как именно историческая перспектива, и наши цели воссоздания Исторической России именно потому и реальны, что строятся с учетом этого органического основания.

Какая-то тактическая гибкость в наших отношениях с иностранцами необходима, но до известной границы. Мы знаем, что Россию никто “спасти” не станет, а в лучшем случае может произойти лишь совпадение интересов России с интересами тех или иных стран, но не более. Для такого утверждения мы обладаем и достаточным опытом, и достаточной духовной и политической зрелостью. Процессу освобождения России иностранцы могут существенно помочь, но до сих пор мы видели обратное: все призывы поработившей России за 41 год кровавого владычества марксизма заглохли в безразличии свободного мира. Таковое же по существу положение сохранено и поныне.

Что касается САСШ, существенного мирового фактора противостояния коммунистическому империализму, провозгласителем которого как бы стала поработившая международным марксизмом наша несчастная Родина, то и там, к сожалению, мы наблюдаем совершенно очевидное смешение и, подчас, нежелание разграничить истинные законные интересы Исторической России от поработившего ее марксистского государства. И это тем более трагично, что в нашем уяснении и уяснении историческом, САСШ и являются тем государством, которое никогда не сталкивалось с Россией, и со стороны Исторической России всегда пользовалось всемерной поддержкой. В современной политике САСШ по отношению к России именно и проскальзывает совершенно явственный момент подмены истинных интересов России и их отождествления с империалистическими целями СССР. В определенных кругах эта подмена совершенно явственно злонамеренна, что мы и объясняем деятельностью внутри американского государства каких-то сил, духовно родственных силам международного марксизма, поработившего Историческую Россию. Совершенно явственна также явная поддержка официальными и “полуофициальными” (однако, не менее влиятельными) кругами САСШ всевозможных, враждебных России, ублюдочных креатур несуществующего российского сепаратизма. Эта

Монархия, в своем истинном существе, не есть что либо переходное, пережитое, совместимое только одним каким-нибудь фазисом развития культуры, но есть принцип вечный, всегда возможный, всегда необходимый, высший из всех политических принципов.

Если этот принцип становится когда-либо для какой-либо нации невозможным, то не по состоянию ее культуры, а только по нравственному падению самой нации.

Там, где люди хотят жить по правде, им необходимо самодержавие, и оно возможно всегда, при всякой степени культуры.

Лев Тихомиров

поддержка отнюдь не отражает реального политического значения этих креатур, как бы то могло быть понято в свете политического “злободневного” реализма и, исходя из этого, возможного их использования в будущем. Наоборот, в свете истинного значения этих креатур, как в прошлом, так и в будущем России, эта поддержка, в свете того же политического реализма, представляется совершенно нелепой. Более всего эта поддержка говорит о нездоровом отношении руководящих кругов САСШ к поработившей сегодня, а завтра свободной России.

Такого рода расчленительная политика не есть выражение дружбы к России, переживающей тягчайший период своей истории. Я даже скажу — истории мировой, ибо от исхода единоборства Русского народа с развязанными повсеместно силами исконного Зла, зависит судьба всего мира, а также и самих САСШ. От такого утверждения отдает, несомненно, каким-то непонятным Западу идеализмом. Но я полагаю, что мы не можем и не имеем права отступить от какой-то доли идеализма, поскольку разрешение современных политических вопросов более всего зависит от правильного их духовного уяснения. Современная борьба с развязанными силами преисподней не мыслима без чистой, сильной идеи.

В САСШ совершенно очевидна враждебность ведущих политических кругов к историческому и национальному началу — совершенно очевидна сверхнациональная устремленность САСШ, применяемая ими как обязательная мерка к будущим и настоящим мировым событиям. В нашем уяснении, а, особенно, в русском уяснении, историческое и национальное начало является существенно важным фактором антикоммунистической борьбы. Эта враждебность к народным, историческим силам особенно дает себя чувствовать в традиционном подходе САСШ к “русскому вопросу”.

Совершенно уместным считаю я также высказанное С. Л. Войцеховским сомнение — “действительно ли так все

благополучно в русской зарубежной среде и, в частности, в ее монархической части?"

Действительно, об особенном благополучии говорить трудно, не только ввиду цитированного в моей статье взгляда В. Т. Романовского, но и вообще. Но, если бы у монархической части нашего Зарубежья не было того, что является основным, определяющим ее признаком, т.е. исторического направления и исторической перспективы, то и о ней можно было бы говорить, как о пустом месте. При всей нашей современной политической бедности, наше богатство и наша сила — русская история, так же, как и географическое единство российского исторического пространства, является нерушимым залогом и нашего политического единства.

Я имею в виду утверждения нами исторического, легитимного начала, которое, при всей нашей внешней слабости, делает из нас какую-то несомненную политическую силу, и силу уже потому, что наша зарубежная политика, при всем ее неблагоприятии и шатании, строится на весьма солидном основании, на основании исторического пути России. Без этого основания, какая бы то ни была зарубежная политика представляется весьма иллюзорной; здесь нужно прежде всего иметь в виду длительность сроков положенного России испытания. Конечно, если дело идет о честной, русской политике, а не о каком-либо из весьма распространенных видов зарубежного приспособленчества, что к русской политике никакого отношения иметь не может.

Что касается приводимого С. Л. Войцеховским примера, относящегося к образованию в Филадельфии общества "Рука Дружбы", символом которого являются соединяющиеся над картами России и САСШ две руки, то этот довод, в моем уяснении, не очень убеждает в наличии действительной дружеской позиции ведущих кругов САСШ в отношении России. Кроме того, эти соединяющиеся руки, как символ, не говорят ничего русскому, православному сердцу и менее всего являются доводом в нашей духовно-национально-патриотической проблематике. Эти чуждые нам символы видим мы на издающейся "Американским Комитетом

Освобождения" (Инкорпорэйтед) газете "Наше Общее Дело", занимающей в отношении России ясно расчленительную позицию. Такие же соединяющиеся руки со светильниками являлись символом и издающегося на нескольких языках "Комитетом Свободной Европы" (Инкорпорэйтед) журнала "За Железным Занавесом".

Американский народ, если он действительно стремится к дружбе с Русским народом, может быть уверен, что малейший знак истинной дружбы к России будет стоить ей оплачен ее народом: нет народа более благородного, и более помнящего добро, чем русский. Но вся деятельность этих всевозможных обществ, даже тех же банкиров и генералов в отставке, о которых говорит С. Л. Войцеховский, никакого отношения к дружбе с Русским народом до сих пор не имела. Недавно основанное "Общество Дружбы" также ничем еще себя на этом поприще не проявило. Естественно, что мы стремимся не к декларативному утверждению дружбы между Россией и САСШ, а к реальному ее проявлению, которое до сих пор, в лице этих "частных обществ благонамеренных американцев", никакого подтверждения не нашло.

Действительно, и Россия, и САСШ нуждаются во взаимной дружбе: от их отношений зависит дальнейшая судьба не только этих двух государств, но и всего мира. Именно, отсутствие ясных формул этой необходимой и жизненно важной дружбы порождает все наши расхождения, которые подчас мы называем загадочными, ибо им, в здравом, нормальном уяснении, а равно и в уяснении историческом, нет никакого места. И, на основании уже весьма продолжительного опыта, мы с большой долей вероятности можем предположить, что работа упоминаемого С. Л. Войцеховским общества "Рука Дружбы" пойдет проторенными путями "Американского Комитета Освобождения" или "Комитета Свободной Европы", главная политическая линия которых ничего общего с дружбой к России не имеет, поскольку она строится на совершенно очевидных антироссийских расчленительных формулах.

Это не значит, что мы порываем раз и навсегда с какими бы то ни было попытками сотрудничества с дружеским

нам американским народом. Тот же "Американский Комитет" недавно отказался участвовать в АБН-овском "конгрессе", имевшем место в Мексикосити, собравшим со всего мира ненавистников России, и пытавшимся придать этому сборищу всевозможных проходимцев вид международного "конгресса" антикоммунистов. Под сенью этого "конгресса" имело место провозглашение самых диких, разнузданных и нелепых расчленительных противороссийских формул. Эта затея провалилась даже без треска, и, возможно, что отказ "Американского Комитета" участвовать в этой расчленительной вакханалии сыграл здесь решающую роль.

Было время, и время не менее смутное, чем теперь, когда отношения между Россией и САСШ носили совершенно противоположный современным отношениям характер.

Когда в 1919 году бывшие союзники России — Франция, Италия и Англия, в лице Верховного Совета, в состав которого вошли представители этих стран, стали на путь расчленения России (своей бывшей союзницы), то Государственный Департамент САСШ в своей ноте от 7 февраля 1920 г. сообщил, что САСШ не могут признать этого решения, вынесенного односторонним актом без участия России. Представитель САСШ на юге России контр-адмирал Ньютон Мак-Кюли донес главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России, что САСШ считают, что без согласия Национальной России это решение вынесено быть не может. Государственный Департамент далее уточнил, что САСШ не желают чтобы Россия, пока она беспомощна и находится в руках правительства, не представляющего собой нации, ослаблялась бы еще политикой расчленения, задуманного другими государствами в своих интересах и во вред России" (подчеркнуто мною — Др. А. К.) *

Далее, 24 марта 1920 г. Государственный Секретарь САСШ Кольби сделал заявление, поясняющее точку зрения САСШ по вопросу Ближнего Востока. "Правительство САСШ категорически заявило (подчеркнуто мною, Др. А. К.), что никакое соглашение относительно управления и контроля над Кон-

стантинополем и проливами не может иметь места, если не предусмотрены и охранены в полной мере интересы России". *)

Далее, нота Государственного Секретаря САСШ Кольби от 10 августа 1920 г. итальянскому правительству по поводу притязаний Польши говорит, что "дружба и честь требуют, чтобы интересы России были великодушно охранены, и все вопросы, касающиеся ее суверенитета над территориями прежней Российской Империи были отложены". (подчеркнуто мною, Др. А. К.) *

На просьбу Национального Комитета Литвы в октябре 1919 г. правительству САСШ признать Литву самостоятельным государством, Государственный Департамент САСШ ответил, что "руководимые чувством дружбы и обязательной чести по отношению к великой нации, храброе и геройское самопожертвование которой содействовало успешному окончанию войны, САСШ не могут признать балтийские страны, как отдельные государства, независимые от России" (подчеркнуто мною — Др. А. К.) *

Вышеупомянутые исторические акты не требуют никакого пояснения. САСШ могут быть совершенно уверены, что эти благородные слова благородного американца — Государственного Секретаря САСШ Кольби, никогда не изгладятся из памяти благодарной России.

С тех пор, и по сию пору, прошло уже 40 лет — что же изменилось за это время? Силы, повергшие Россию, по-прежнему творят свой страшный эксперимент на окровавленном теле Русского народа, а САСШ как бы достигли своего высшего могущества, которое, казалось бы, и можно было бы использовать, если не для деятельного утверждения дружбы к поверженной России, то хотя бы для доброго слова.

Та же Историческая Россия опять приняла на свою широкую грудь всю силу удара германского империализма, как то было и в Первую Мировую войну, когда по словам другого благородного человека — маршала Фоша, "если бы не Россия, то Франция была бы стерта с карты мира".

*) По материалам проф. А. В. Зеньковского.

И. СОЛОНЕВИЧ

№ 35

РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ

ТОВАРИЩ ЯКИМЕНКО И ПЕРВЫЕ ХАЛТУРЫ

Между этими двумя моментами — ощущения полной безысходности и ощущения полной безопасности, прошло около суток. За эти сутки я передумал многое. Думал и о том, как неумно в сущности я действовал. Совсем не по той теории, которая сложилась за годы советского житья и которая категорически предписывает из всех имеющихся на горизонте перспектив выбирать прежде всего халтуру. Под щитом халтуры можно и что-нибудь путное сделать. Но без халтуры человек беззащитен, как средневековый рыцарь без лат. А я вот, вопреки всем теориям, взялся за дело... И как это у меня из головы выветрилась безусловная и повелительная необходимость взяться прежде всего за халтуру?..

Очередной Шпигель и очередная халтура подвернулись неожиданно...

В Подпорожье свозили все новые и новые эшелоны лагерников и первоначальный "промфинплан" был уже давно перевыполнен. К середине февраля в Подпорожском отделении было уже около 45.000 заключенных. Кабак в УРЧ свирепствовал совершенно невообразимый. Десятки тысяч людей оказывались без инструментов, следовательно, без работы, следовательно, без хлеба. Никто не знал толком, на каком лагпункте и сколько находится народу. Одни "командировки" снабжались удвоенной порцией пропитания, другие не получали ничего. Все списки перепутались. Сорок пять тысяч личных дел, сорок пять тысяч личных карточек, сорок пять тысяч "формуляров" и прочих бумажек, символизирующих где-то погибающих живых людей, засыпали УРЧ лавиной бумаги: и писчей, и обойной, и от старых этикеток кузнецовского чая, и от листов старых дореволюционных акцизных бандеролей, и Бог знает откуда еще: все это называется бумажным голодом...

Такие же формуляры, личные карточки, учетные карточки и, тоже, каждая разновидность — в сорока пяти тысячах экземпляров перетаскивались окончательно обалдевшими статистиками и старостами из колонны в колонну, из барака в барак. Тысячи безымянных Иванов, "оторвавшихся от своих документов" и не знающих, куда им приткнуться, бродили голодными толпами по карантину и пересылке. Сотни начальников колонн металась по баракам, пытаясь собрать воедино свои разбредшиеся стада. Была оттепель. Половина бараков — с дырявыми потолками, но без крыш — протекла насквозь. Другая половина, с крышами, протекла не насквозь. Люди из первой половины, вопреки всяким Вохрам, перекочевывали во вторую половину, и в этом процессе всякое подобие колонн и бригад таяло, как снег на потолках протекавших бараков. К началу февраля в лагере установился окончательный хаос. Для ликвидации его из Медвежьей Горы приехал начальник УРО (учетно-распределительного отдела) управления лагерем. О нем, как и о всяком лагерном паше, имеющем право на жизнь и на смерть, ходили по лагерю легенды, расцветенные активистской угодливостью, фантазией урок и страхом за свою жизнь — всех вообще обитателей лагеря.

**

Часа в два ночи, окончив наш трудовой "день", мы были собраны в кабинете Богоявленского. За его столом сидел человек высокого роста, в щегольской чекистской шинели, с твердым, властным, чисто выбритым лицом. Что-то было в этом лице патристическое. С нескрываемой брезгливостью в поджатых губах он взирал на рваную, голодную, вороватую ораву актива, которая, толкаясь и запинаясь, вливалась в кабинет. Его, казалось, мучила необходимость дышать одним воздухом со всей этой рванью — опорой и необходимым условием его начальственного бытия. Его хорошо и вкусно откормленные щеки подергивались гримасой холодного отвращения. Это был начальник УРО, тов. Якименко.

Орава в нерешимости толкалась у дверей. Кое-кто подобострастно кланялся Якименке, видимо зная его по какой-то преды-

дущей работе, но Якименко поклонился не отвечал. Мы с К на подоконнике.

— Ну, что же вы? Собир

Рассаживаться было не нулась с табуретками, поленья нут все расселись, Якименко н

Я много слышал советских и по тону я еще не слышал. сказал даже "граждане". Речь парат расхлябан, так работат Пусть никто не думает, что ко ти, (это был намек на профе уйдут либо на волю, либо в г

Я подумал о том, что я, с — или в гроб, или на волю. волю... Хотя, в данный момент же к гробу...

Речь была кончена. Кто ж Орава молчала. Начал гов то, что говорил Якименко — был менее властен, речь был не литературных в ней было обводит презрительно-испытую сравы, безразлично скользит и профессоров и говорит тоно

— Ну? Откашлялся Стародубцев. летарский долг, чтобы, так с перед нашим пролетарским отенными темпами. Потому, как н вительно, работает в порядке революционного сознания, что чит, партия доверила нам отве

Вспомним слова Государственного Секретаря САСШ Кольби: "ДРУЖБА и ЧЕСТЬ — это единственная мерка, в которой нуждается Россия, которая, на всем протяжении своей истории не раз восставала во имя поруганных прав других народов". Этими простыми и ясными словами определялись отношения САСШ к России, а в современных между ними отношениях от этих слов осталась бледная тень, или ничего не осталось.

Теперь, вместо дружбы и чести, Государственный Секретарь САСШ Ачесон заявляет, что "коммунизм — новое лезвие на мече традиционного русского империализма".

В период венгерских событий 1956-57 г. г., постоянный представитель САСШ в ООН Генри К. Лодж заявляет, что "зверства советов в Венгрии совершенно в духе традиций русских царей".

Государственный Секретарь САСШ Дж. Ф. Даллес говорит, что "САСШ никогда не признают порабощение Сов. Союзом восточной Европы", причем у Государственного Секретаря Дж. Ф. Даллеса не находится ни одного доброго слова для порабощенного Русского народа.

Президент САСШ Айзенхауэр, в своей речи 21 января 1956 г., говорит о "трагически разделенной Германии": о трагически порабощенной России президент Айзенхауэр не упоминает, как не упоминает он и о фактических причинах современного разделения Германии, которая целью своей политики в обеих последних Мировых войнах ставила порабощение и расчленение России.

Было бы бесцельной потерей времени приводить и дальнейшие "антироссийские формулы". Думаю, что со мной будет нетрудно согласиться, если я скажу, что в современных отношениях между САСШ и Россией недостает самого главного: дружбы и чести. Когда политика САСШ вернется к этому основанию, то мы совершенно уверены, что какие бы то ни было между нами расхождения падут сами собой. Думаю, что это единственный путь и разрешения грозящей всему миру коммунистической опасности: для успешного продвижения мирового коммунизма, современная мировая муть является первой предпосылкой.

САСШ и мировая политика ждут нового Государственного Секретаря, который в основу своей политики к поверженной России положит слова Государственного Секретаря САСШ Кольби: дружба и обязательная честь. И пока формула "русского империализма" в Государственном Департаменте САСШ не будет заменена этими словами, ни о какой истинно антикоммунистической политике САСШ не может быть и речи. В борьбе с мировым коммунизмом, САСШ являются последним бастионом свободы: но не нужно забывать и о другом первенственно важном и основном факторе мирового антикоммунистического фронта — о порабощенном Русском народе и Исторической России. Без союза с ними реальная борьба с мировым коммунизмом представляется немисллимой.

Наша политическая зарубежная формула весьма проста: с Россией против коммунизма, но не против и России, и коммунизма, или с коммунизмом против России.

Д-р А. К.

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

Г. Месняев

СТАРЫЕ БАСНИ

"...дьявол умеет смеяться над теми, кто ему (славе) продает свою душу..."

(В. Розанов о Толстом).

Есть такой литератор Марк Слоним. Суждения и взгляды его отличаются ярко выраженной прогрессивностью. Кстати сказать, прогрессивность эта недавно побудила его выступить в печати с прославлением порнографической книги В. Набокова "Лолита", в которой с большими подробностями описывается страсть сороколетнего мужчины к малолетней девочке. Слоним предлагает русским людям гордиться этим произведением, являющимся сейчас одним из самых ходовых на американском книжном рынке. Гордиться, конечно, нечем, а стыдиться, пожалуй, следует. Но это только к стати.

В данном случае нас интересуют не увлечения Марка Слонима эротической литературой, а те старые басни о Льве Толстом и царском правительстве, которые он приплел к своему "Открытому письму советским писателям", напечатанном 4-го ноября с.г. в "Н. Р. С." по поводу трагедии Бориса Пастернака, ведомой сейчас в СССР.

В этом письме он, между прочим, пишет: "...история повторяется и нынешняя попытка оглушить автора "Доктора Живаго" от родной земли и литературы невольно вызывает в памяти борьбу царской власти и официальной церкви против создателя "Воскресения".

Ничего общего между отношением царской власти к Толстому и травлей Бориса Пастернака советскими — нет. С Толстым никто не боролся, никто его не преследовал и ни в какой степени не травил. Наоборот, царское правительство, ценя и дорожа драгоценным литературным даром Толстого, проявляло по отношению к нему безграничную терпимость, которая почти граничила с попустительством. Что же касается т.н. "отлучения" Толстого от Церкви, то оно — в свете не басен, а исторических фактов, представляется в таком виде.

В конце прошлого века Толстым было написано "Воскресение". Это произведение, включающее в себя много исключительно ярких и художественных страниц, не уступающих по своему высокому мастерству некоторым страницам "Войны и мира" и "Анны Карениной", представляло собой не только резкую критику тогдашнего государственного строя, но и полное идейное отрицание государства, Церкви, армии, суда и всего другого, на чем зиждется всякое человеческое общество. Это отрицание, само по себе, да еще облеченное в современное художественное слово, представляло собой, по существу, явление крайне разрушительное и революционное, хотя сам Толстой никогда не был революционером в прямом значении этого слова. Несмотря на это, роман этот был многократно и без всяких препятствий со стороны государственной власти печатался в тогдашней России и был даже напечатан (с прекрасными иллюстрациями художника Пастернака — отца нынешнего писателя) в "Ниве", расхваливаясь буквально по всей России. Единственное, чего не могла допустить государственная власть к распространению среди русских православных людей, это те невероятные кощунства и богохульства, которыми изобиловало "Воскресение". Они были запрещены цензурой (более, чем правильно) и остались неизвестными широким читателям. Может быть, отчасти поэтому, русское общество тех времен, неосведомленное о глубине того падения, до которого дошел Толстой, ругаясь над Церковью, было несколько удивлено его отлучением от Церкви.

Национальная Организация
Витязей (НОВ) и
Организация Российских
Юных Разведчиков (ОРЮР)
у с т р а и в а ю т
в субботу, 10 января 1959 г., в 17 ч.
Е Л К У

Спектакль. Подарки. Игры.
Предварительная запись:
А. Баумгартен — 32-9555 (от 13-14 ч.)
М. Арцимович — 795-2591 (от 20-21 ч.)
С. Мамонтов — 740-7775 (от 10-12 ч.)
и у графа Уварова — лично.

После революции "Воскресение" стало печататься полностью и мы имеем сейчас печальную возможность узнать то, что Толстой писал о православной вере и, в частности, о самом важном таинстве христианской Церкви — о таинстве Евхаристии.

"Сущность богослужения, — с отвращением читаем мы в "Воскресении", — состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращаются в тело и кровь Бога. Манипуляции эти состояли в том, что священник равномерно, несмотря на то, что ему мешал надетый на него парчевый мешок подымал руки кверху, и потом опускался на колени и целовал стол и то, что на нем было".

О таинстве причащения сказано так: "...священник отдернул занавеску отворил средние двери, и, взяв в руки золоченную чашку, вышел с нею в средние двери и пригласил желающих поестъ тела и крови Бога, находившихся в чаше".

Написано в "Воскресении" и о том, как священник молился "перед предполагаемым, выкованным, золоченым изображением (с черным лицом и черными руками) того самого Бога, которого он ел".

Если бы мы не знали, что эти постыдные слова принадлежат великому русскому писателю, мы смело могли бы считать их за творения Демьяна Бедного, или главы советских безбожников Ярославского. Самый выбор слов: "манипуляции", совершаемые священником, "парчевый мешок" — вместо ризы, "чашка" — вместо "чаши", предложение "поестъ тела и крови Бога" и т.д. — изобличает совершенно непонятную злобу, нарочитое глумление, которые проявил Толстой по отношению к тому, что всегда было свято для его соотечественников. Трудно понять, как Толстой, воспитанный, светский и, говорят, очень деликатный человек мог дойти до состояния человека пришедшего в чужой дом и плюнувшего в образ? Видно рукой, написавшей "Воскресение", действительно, водил дьявол, наслаждаясь таким страшным падением великого человека.

Приведенных выше и других богохульных высказываний Толстого в "Воскресении" было вполне достаточно для привлечения к уголовной ответственности любого ординарного человека. Толстой к ответственности ни за эти, ни за другие кощунственные произведения ("Критика православного богослужения", "В чем моя вера", "Моя исповедь" и другие) никогда не привлекался. Наоборот, многие его вреднейшие произведения, колебавшие устои государства и общества, очень широко расходились по всей России в форме копеечных, всем доступных изданий "Посредника".

И если светская власть, по соображениям очень сложным, была вынуждена щадить творца "Севастополя" и "Войны и мира", то для церковной власти это было совершенно невозможно. Она не могла терпеть в своей среде человека, хотя и гениального, но самым грубым образом поносившего то, что составляет сущность христианства. Иначе, проповедуемый им великий соблазн, оставленный без осуждения, всей своей тяжестью должен был пасть на тех кто возглавлял в то время русскую православную Церковь.

В газете "Новое Русское Слово" несколько лет тому назад (25 февраля 1951 года), была помещена основанная на бесспорных документах статья Вл. Маевского, дающая верную и объективную картину т.н. дела об "отлучении" Толстого от Церкви. Эта статья полностью опровергает старую басню о том, что отлучение это было замаскированным ударом светской власти по Толстому. Ничего подобного не было. Мало того, на основе достоверных сведений, Вл. Маевский рассказывает о том, что Государь Император, ознакомившись в "Церковных Ведомостях" о состоявшемся отлучении Толстого "пришел в раздражение" и послал Победоносцеву (не являющемуся еще как принято думать, вдохновителем этого дела) несколько писем, в которых он очень резко выразил свое неудовольствие всем происшедшим.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАША СТРАНА"
ИВАН СОЛОНЕВИЧ
РОССИЯ В КОНЦЛАГЕРЕ
(издание четвертое)
выходит отдельными выпусками
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК
ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ
Цена 1 ам. доллар.

Принимается предварительная
подписка на все шесть выпусков
Цена 5 дол., в Аргентине — \$ 150.

Вл. Маевский отмечает и то, что окончательной редакцией послания Св. Синода был придан "характер не отлучения, а лишь официального засвидетельствования об отречении Льва Толстого от православия и отпадения его от Церкви", — что в полной мере соответствовало истинному положению вещей.

Совершенно понятно, что безрелигиозная интеллигенция тех дней, вовсе не интересовавшаяся сущностью вопроса и даже не знавшая в чем заключаются религиозные взгляды Льва Толстого, агрессивно стала на его защиту, используя его, как знамя в своей революционной борьбе с правительством. Тогдашней русской интеллигенции, а революционерам, в особенности, было совершенно чуждо религиозное учение Толстого, им была нужна и ценна лишь та разрушительная сила, которая в нем заключалась. Так и сейчас, Марку Слониму, конечно, совсем не нужны религиозные взгляды Толстого, а его "отлучение" от Церкви он использует только для того, чтобы по неискоренимой привычке, еще раз лягнуть ненавистное "самодержавие", "официальную" Церковь и все другое, что от века было ему органически чуждо и враждебно. Только этим надо объяснить то, что он, ни к селу, ни к городу, приплел это старое и тяжкое дело к современности и попытался провести во все не к стати и не к месту ложную аналогию между действиями старой российской государственной власти и гнусностями советов.

В общем же, давно пора расстаться с лживыми и пустыми баснями, которые когда-то старательно фабриковались врагами России по поводу царского правительства и его отношения к Толстому. Давно пора поставить все на свое место. Впрочем, все это уже и без нас, сделано самой жизнью.

Истинно великое в творчестве Л. Н. Толстого: животворящий патриотизм, коим проникнута непрезойденная эпопея "Войны и мира", продолжает жить до сей поры и будет жить еще долгие годы, чаруя русские и другие народы и уча их любить свое родное и гордиться своим славным прошлым. Образы русской славы, мысли и чувства Николая Ростова, Андрея Болконского, Денисова и тех серых русских мужичков, которые плечо к плечу с ними защищали русскую землю и вели партизанскую войну — вдохновляли и будут вдохновлять на подвиг и жертвы поколения русской молодежи. Это не умрет никогда!

Худосочные же, отвлеченные, безжизненные, а нередко и несправедливые и пристрастные мысли Толстого потрясавшие веру, Церковь государство и выработанный веками уклад простой человеческой жизни, нелепые идеи о "непротивлении злу", а, тем паче нестойкие великого человека, глумления и брань по адресу веры и Церкви, в сущности, уже сами по себе, перестали волновать людей. Многие из современников Толстого сохранили свои толстовские симпатии? Имеют ли его мысли и учение какой-нибудь отклик в сердцах современных молодых русских людей? Смело можно утверждать, что такого отклика они уже давно не имеют!

Не указывает ли это на то, что поздний Толстой — религиозный реформатор и философ — уже умер и, надо думать навсегда. И, конечно, совершенно не нужно воскрешать этого Толстого и тем более, повторением лживых легенд о нем, задним числом оправдывать то, чего нельзя оправдать.

Нам лучше ли будет для нас и для грядущих поколений, да и для памяти того кому Россия отдала свою любовь, — накрепко забыть все то, что было продиктовано ему злобой и что темнит облик гениального создателя "Войны и мира" и других творений, коими русский народ по праву гордится?

Г. Месняев

